Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-123-129

МАРКЕЛОВА Мария Михайловна,
магистр права, юрист практики разрешения международных споров Коллегия адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов и партнеры», Москва, Россия,
e-mail: markelova@mzs.ru

ФИНАНСИРОВАНИЕ ТРЕТЬЕЙ СТОРОНОЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ АРБИТРАЖЕ: О СМЕШАННОЙ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *Цель исследования – определить модель регулирования финансирования третьей стороной, учитывающую транснациональную природу международного арбитража, экономическую логику финансирования споров и требования процессуальной справедливости. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ законодательства, арбитражных регламентов, профессиональных стандартов и судебной практики Англии и Уэльса, Австралии, США, Сингапура и Гонконга. Установлено, что при различии национальных форм регулирования их функциональное ядро сближается. Обоснована смешанная модель, в которой «мягкое» право формирует первичные стандарты, арбитражные регламенты придают им процессуальное действие, практика проверяет их применимость, а точечные нормы «жесткого» права закрепляют минимальные гарантии допустимости финансирования, раскрытия информации и автономии сторон. Предложены направления поэтапной адаптации модели для России и Евразийского региона без преждевременной всеобъемлющей кодификации.*

Ключевые слова: *финансирование третьей стороной; международный арбитраж; мягкое право; саморегулирование; раскрытие информации; конфликт интересов; смешанная модель регулирования.*

MARKELOVA Maria M.,
Master of Laws, Associate, International Dispute Resolution Practice Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Bar Association, Moscow, Russian Federation

THIRD-PARTY FUNDING IN INTERNATIONAL ARBITRATION: TOWARDS A HYBRID REGULATORY MODEL

Annotation. *The purpose of this article is to identify a regulatory model for third-party funding that accommodates the transnational nature of international arbitration, the economics of dispute funding, and procedural fairness. The research employs doctrinal, comparative, and systemic methods and examines legislation, arbitral rules, professional standards, and case law in England and Wales, Australia, the United States, Singapore, and Hong Kong. The analysis shows that, despite different national regulatory forms, their functional core is converging. The article substantiates a hybrid model in which soft law sets primary standards, arbitral rules give them procedural effect, practice tests their application, and targeted hard law secures minimum guarantees of permissibility, disclosure, and party autonomy. It proposes a gradual adaptation of this model for Russia and the Eurasian region without premature comprehensive codification.*

Key words: *third-party funding; international arbitration; soft law; self-regulation; disclosure; conflicts of interest; hybrid regulation.*

Введение

Финансирование третьей стороной (далее – ФТС; third-party funding) в настоящей статье понимается как безрегрессное финансирование спора независимым коммерческим субъектом, который полностью или частично принимает на себя расходы стороны в обмен на вознаграждение, зависящее от исхода дела, но не становится стороной арбитражного соглашения и не приобретает формального процессуального статуса [1, p. 14; 2, p.

467; 3, p. 12] (Рабочее определение используется для разграничения ФТС с иными способами финансирования и распределения судебных расходов). Такое понимание позволяет отделить ФТС от условного вознаграждения представителя, страхования судебных расходов и иных способов распределения издержек.

Актуальность темы обусловлена несовпадением формальной и экономической структуры арбитражного разбирательства. Процесс ведется между сторонами арбитражного соглашения, однако фандер обладает самостоятельным имущественным интересом в результате и способен обеспечить предъявление и поддержание требований в дорогостоящем споре. Поэтому сведения о нем могут иметь значение для проверки независимости и беспристрастности арбитров, раскрытия информации, конфиденциальности, распределения расходов и обеспечения расходов.

Транснациональный характер ФТС исключает простой ответ, основанный на одной коллизионной привязке: место учреждения фандера, место нахождения финансируемой стороны, право соглашения о финансировании, место арбитража, применимый регламент и юрисдикция исполнения решения могут не совпадать. В зарубежной литературе исследованы договорные, экономические и процессуальные аспекты ФТС, а также соотношение «мягкого» и «жесткого» права [1; 2; 4; 13–15]. В отечественной доктрине развита проблематика негосударственного транснационального регулирования [16], однако сочетание его источников применительно к ФТС требует дальнейшей разработки.

Цель статьи – обосновать функциональную архитектуру смешанного регулирования ФТС и определить направления ее адаптации для России и Евразийского региона. Для достижения цели необходимо: проследить переход от запрета финансирования к контролю его процессуальных последствий; сопоставить западную и азиатскую траектории; разграничить функции профессиональных стандартов, арбитражных регламентов и законодательства; сформулировать минимальный стандарт для российских и евразийских арбитражных институтов. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и историко-правовой методы, а также анализ нормативных актов, регламентов, профессиональных стандартов и судебной практики.

1. От запрета финансирования к контролю его процессуальных последствий

Исторически дискуссия о финансировании чужого спора строилась вокруг допустимости самой сделки. Доктрины maintenance и champerty исходили из опасения, что материально заинтересованное третье лицо способно превратить правосудие в инструмент частной наживы и давления [4, pp. 23–24; 5]. В Англии и Уэльсе Закон об уголовном праве 1967 г. устранил уголовную и деликтную ответственность за maintenance и champerty, сохранив возможность признать конкретное соглашение незаконным или противоречащим публичному порядку [6].

Судебная практика перенесла центр тяжести с самого факта финансирования на его последствия: степень контроля фандера, влияние соглашения на поведение стороны и соблюдение прав оппонента. В делах Giles v. Thompson и Papera Traders v. Hyundai закрепился функциональный подход, при котором участие третьего лица оценивается через сохранение целостности процесса, а не посредством автоматического запрета [6]. Одновременно суды учитывали, что старые доктрины не должны лишать менее обеспеченную сторону возможности противостоять экономически более сильному участнику.

Следовательно, центральными объектами регулирования становятся точки соприкосновения финансирования с арбитражной процедурой: финансовая устойчивость фандера, пределы его влияния, прекращение финансирования, раскрытие личности экономически заинтересованного лица, конфликт интересов и защита конфиденциальных условий сделки. Ни гражданско-правовая кодификация договора, ни один арбитражный регламент по отдельности не способны исчерпывающе охватить эти вопросы.

2. Западная траектория: судебная легитимация и пределы саморегулирования

В Англии и Уэльсе сложилась либеральная, но не лишенная ограничений модель. Суды определяют внешние пределы допустимости, соглашение индивидуализирует отношения сторон, а профессиональная ассоциация формулирует отраслевой стандарт. Кодекс поведения Ассоциации лиц, финансирующих судебные разбирательства Англии и Уэльса предусматривает требования к капиталу фандера, ограничения на произвольное прекращение финансирования, механизмы разрешения разногласий и запрет вмешательства, лишающего сторону и ее представителей контроля над делом [7].

Саморегулирование быстрее законодательства учитывает новые финансовые модели и опирается на специальное знание участников рынка. Его предел состоит в добровольности: кодекс дисциплинирует прежде всего присоединившихся к нему субъектов, не обеспечивает универсального охвата и формируется участниками, заинтересованными в широкой договорной свободе. Английский опыт подтверждает продуктивность саморегулирования, но не его самодостаточность.

Австралийский опыт отражает сходный отказ от запрета per se. В деле Fostif Высокий суд не признал коммерческое финансирование группового иска и степень контроля фандера сами по себе достаточными для вывода о злоупотреблении процессом [8]. В США, напротив, режим зависит от права штатов: исторические доктрины в одних юрисдикциях утратили значение, а в других продолжают ограничивать допустимые конструкции [9]. Такая вариативность допускает правовые эксперименты, но снижает предсказуемость трансграничных сделок.

Западные модели развивались преимущественно снизу вверх — через судебный отказ от автоматического запрета, становление рынка и отраслевые стандарты. Их достоинство заключается в чувствительности к практике, недостаток — в неравномерности гарантий и зависимости от зрелости профессионального сообщества. Поэтому формальное заимствование английской модели в правопорядке с неразвитым рынком не обеспечивает тождественного результата.

3. Азиатская траектория: законодательная легализация и институционализация

Сингапур и Гонконг использовали ФТС как элемент политики развития международных центров разрешения коммерческих споров. В Сингапуре поправки 2017 г. вывели финансирование международного арбитража из-под доктрин maintenance и champerty и установили требования к финансирующим субъектам. Законодательная основа была дополнена профессиональным руководством для юристов и разъяснениями Сингапурского международного арбитражного центра (Singapore International Arbitration Centre, SIAC) о поведении арбитров в делах с внешним финансированием [10]. Закон определил допустимость ФТС, профессиональные правила – обязанности представителей, институциональный акт – меры предупреждения процессуальных конфликтов.

С 28 июня 2021 г. сингапурский режим был распространен на внутренний арбитраж, связанные с ним судебные производства, определенные дела Сингапурского международного коммерческого суда и соответствующие медиативные процедуры. Регламент SIAC 2025 г. продолжил институционализацию: правило 38 требует раскрывать наличие соглашения, личность и контактные данные фандера, обновлять сведения и не заключать после формирования состава арбитража соглашение, создающее конфликт интересов. Состав арбитража вправе запросить сведения об интересе фандера и покрытии неблагоприятного решения о расходах, учитывать финансирование при распределении расходов и применять процессуальные последствия за нераскрытие. Сам факт финансирования не образует презумпции неплатежеспособности [11].

Гонконгская реформа построена сходным образом. Ордонанс 2017 г. создал законодательную основу ФТС в арбитраже, медиации и связанных процедурах; положения об арбитраже вступили в силу 1 февраля 2019 г. Закон закрепил обязанность сообщать о факте финансирования и личности фандера, а Кодекс практики конкретизировал требования к добросовестности, капиталу, конфиденциальности, прекращению финансирования и невмешательству [12].

Азиатские реформы не означают замены «мягкого» права «жестким». Законодательство устраняет прежние ограничения, определяет допустимых субъектов и минимальные обязанности, но оставляет профессиональным и институциональным актам конкретизацию. Различается прежде всего последовательность шагов: в западных моделях стандарт первоначально складывался в судебной и профессиональной практике, тогда как в Сингапуре и Гонконге закон заранее создал основу развития гибких правил.

4. Функциональная архитектура смешанного регулирования

Противопоставление «жесткого» и «мягкого» права методологически недостаточно. Формальная необязательность акта не исключает его практической значимости, а законодательная форма не гарантирует способности регулировать быстро меняющуюся профессиональную среду. В международном арбитраже влияние «мягкого» права поддерживается повторяемостью применения, профессиональным авторитетом, репутационными стимулами и возможностью инкорпорации в договор, регламент или процессуальное распоряжение. Различие источников связано со степенью обязательности, определенности и институционализации исполнения [13–16].

Первый уровень смешанной модели образуют профессиональные кодексы, руководства и принципы наилучшей практики. Они задают первичные стандарты в сферах, где законодатель не располагает устойчивым опытом или где нормы быстро устаревают: капитал фандера, информирование клиента, конфиденциальность, прекращение финансирования и пределы вмешательства. Добровольные правила, однако, не охватывают весь рынок и недостаточны при конфликте коммерческого интереса фандера с процессуальной автономией стороны.

Второй уровень составляют арбитражные регламенты и иные институциональные акты. В конкретном разбирательстве они приобретают процессуальную обязательность и превращают общую рекомендацию в правило: определяют момент раскрытия, адресатов уведомления, обязанность обновлять сведения и последствия неис-

полнения. Так, Арбитражные правила МЦУИС 2022 г. требуют раскрывать наличие ФТС, личность фандера и определенные сведения о контролирующих его субъектах, а также сообщать об изменениях [17]. Практика трибуналов проверяет соразмерность стандарта обстоятельствам дела.

Третий уровень – ограниченное «жесткое» право. Его функция состоит не в исчерпывающей регламентации договора, а в закреплении положений, которые не должны зависеть только от добровольного присоединения: допустимости сделки, запрета недобросовестного контроля, правомерности необходимого раскрытия и судебного контроля для защиты публичного порядка. Закон устанавливает внешние ограничения, не подменяя профессиональное и процессуальное регулирование.

Смешанная модель представляет последовательный цикл: профессиональное сообщество формулирует стандарт; договорная и арбитражная практика его апробирует; регламент придает ему процессуальное действие; при необходимости универсального охвата законодательство закрепляет минимальную гарантию. Гармонизация не требует буквального совпадения текстов. Достаточна согласованность целей: признание допустимости финансирования, защита автономии стороны, адресное раскрытие и внешнее вмешательство лишь при злоупотреблении или доказанной процессуальной необходимости.

5. Адаптация для России и Евразийского региона

Для России и государств Евразийского региона выбор между «английской» и «азиатской» моделями в чистом виде был бы неверным. Первая основана на развитом рынке и длительной судебной эволюции; вторая стала частью государственной стратегии развития центров разрешения споров. Рецепции подлежит не внешняя форма, а функциональное ядро. Отсутствие специального закона о ФТС само по себе не означает запрета соглашений, но требует заранее определить процессуально значимые последствия участия фандера.

Отдельные элементы режима уже закреплены в российских институциональных актах. Положение Российского арбитражного центра об арбитражных расходах требует раскрывать факт заключения соглашения и личность финансирующего лица другой стороне, составу арбитража и РАЦ, устанавливает срок и обязанность обновления сведений. Правила о беспристрастности и независимости арбитров, применимые к МКАС при ТПП РФ, учитывают отношения арбитра с лицами, финансирующими или материально поддерживающими разбирательство и экономически заинтересованными в его результате [18].

В правилах Арбитражного центра при РСПП, Национального Центра Спортивного Арбитража и Арбитражного учреждения при ОООР «СоюзМаш России» ФТС преимущественно охватывается общими требованиями независимости и беспристрастности, конфиденциальности и регулирования расходов [18]. Таким образом, нормативные предпосылки существуют, но степень институционального закрепления недостаточна: большинство режимов учитывает фандера через смежные категории, не создавая единообразного минимального стандарта раскрытия.

Первым шагом должно стать распространение минимального стандарта в регламентах российских и евразийских учреждений. Сторона сообщает о факте финансирования и личности фандера на ранней стадии и обновляет сведения. Этого достаточно для первоначальной проверки независимости и беспристрастности. Раскрытие корпоративной структуры, текста соглашения, размера вознаграждения или оценки перспектив дела не должно быть автоматическим: оно допустимо только для конкретной процессуальной цели и при защите конфиденциальности.

Регламенты должны определять адресатов уведомления, полномочия состава арбитража запрашивать дополнительные сведения, последствия несвоевременного раскрытия и критерии учета ФТС при обеспечении и распределении расходов. Само финансирование не должно создавать презумпцию неплатежеспособности или недобросовестности: иначе механизм доступа к арбитражу превращается в источник дополнительного процессуального бремени.

На последующем этапе возможно точечное законодательное закрепление допустимости соглашений, не нарушающих публичный порядок и не передающих фандеру недопустимый контроль; правомерности раскрытия его личности для предотвращения конфликта интересов; учета финансирования при разрешении отдельных процессуальных вопросов только при доказанной релевантности. Для Евразийского региона такая конструкция обеспечивает гармонизацию без унификации: общее функциональное ядро может сочетаться с различиями национального договорного и процессуального права.

Заключение

Исследование показало, что национальные режимы ФТС различаются прежде всего последовательностью регуляторных шагов. Англия и Уэльс двигались от судебной легитимации к отраслевому саморегулированию; Австралия отказалась от презумпции недопустимости коммерческого финансирования; в США сохранилась фрагментация по праву штатов; Сингапур и Гонконг создали специальные законодательные

основы и дополнили их профессиональными и институциональными актами. Ни один подход не подтверждает достаточность единственного источника регулирования.

Наиболее обоснована смешанная модель. «Мягкое» право обеспечивает первичную стандартизацию; арбитражные регламенты превращают релевантные стандарты в правила конкретной процедуры; практика проверяет их соразмерность; «жесткое» право закрепляет универсальный минимум там, где добровольность не защищает публичный интерес и равенство участников. Ее ключевые принципы — презумпция допустимости ФТС, автономия финансируемой стороны, раскрытие факта финансирования и личности фандера, недоступность коммерческих условий без доказанной необходимости и внешнее вмешательство лишь по процессуально оправданным основаниям.

Для России и Евразийского региона модель позволяет избежать как нормативного бездействия, так и преждевременной всеобъемлющей кодификации. Первичная стандартизация должна осуществляться арбитражными учреждениями и профессиональным сообществом, а законодательное закрепление – ограничиваться гарантиями, которым необходим общеобязательный характер. «Жесткое» право требуется не вместо «мягкого», а во взаимосвязи с ним; последовательность подключения источников зависит от зрелости рынка и институциональной среды.

Список литературы:

[1] Nieuwveld L. B., Sahani V. S. Third-Party Funding in International Arbitration. 2nd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2017. XXI, 304 p.

[2] Howie R. A., Moysa G. Financing Disputes: Third-Party Funding in Litigation and Arbitration // Alberta Law Review. 2019. Vol. 57, no. 2. P. 465–502. DOI: 10.29173/alr2582.

[3] European Law Institute. Principles Governing the Third Party Funding of Litigation. October 2024. URL: https://www.europeanlawinstitute.eu (дата обращения: 01.03.2026).

[4] Solas G. M. Third Party Funding: Law, Economics and Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. XVI, 348 p. DOI: 10.1017/9781108628723.

[5] Neuberger D. From Barretry, Maintenance and Champerty to Litigation Funding: Harbour Litigation Funding First Annual Lecture, Gray's Inn. 8 May 2013. §§ 10–19. URL: https://supremecourt.uk/uploads/speech_130508_9d2765bbf5.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

[6] Criminal Law Act 1967. Sections 13–14. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58 (дата обращения: 01.03.2026); Great Britain. Law Commission. Proposals for Reform of the Law Relating to Maintenance and Champerty. London: H.M. Stationery Office, 1966; Martell v Consett Iron Co Ltd [1955] Ch 363; Gulf Azov Shipping Co Ltd v Idisi [2004] EWCA Civ 292; Arkin v Borchard Lines Ltd [2005] EWCA Civ 655; Giles v Thompson; Devlin v Baslington [1993] UKHL 2; [1994] 1 AC 142; Papera Traders Co Ltd v Hyundai Merchant Marine Co Ltd (The Eurasian Dream) (No 2) [2002] EWHC 2130 (Comm).

[7] Association of Litigation Funders of England & Wales. Code of Conduct. URL: https://associationoflitigationfunders.com/code-of-conduct/ (дата обращения: 01.03.2026); First code of conduct for third-party litigation funders published // Out-Law. 28 November 2011. URL: https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/first-code-of-conduct-for-third-party-litigation-funders-published (дата обращения: 01.03.2026).

[8] Campbells Cash and Carry Pty Ltd v Fostif Pty Ltd (2006) 229 CLR 386; [2006] HCA 41, [88]–[96].

[9] Sebok A. J. The Inauthentic Claim // Vanderbilt Law Review. 2011. Vol. 64, no. 1. P. 61–139; Abbott Ford, Inc. v. Superior Court, 43 Cal. 3d 858; Design for Business Interiors, Inc. v. Herson's, Inc., 659 F. Supp. 1103 (D.D.C. 1986).

[10] Civil Law (Amendment) Act 2017 (Singapore), No. 2 of 2017, ss. 5A–5B; Civil Law (Third-Party Funding) Regulations 2017, reg. 3; Law Society of Singapore. Guidance Note 10.1.1: Third-Party Funding. 25 April 2017; Singapore International Arbitration Centre. Practice Note PN-01/17 on Arbitrator Conduct in Cases Involving External Funding. 31 March 2017; Chan Leng Sun SC. Third-Party Funding — Taking Stock // Singapore Law Gazette. January 2019.

[11] Ministry of Law of Singapore. Third-Party Funding to be Permitted for More Categories of Legal Proceedings in Singapore. 21 June 2021. URL: https://www.mlaw.gov.sg/news/press-releases/2021-06-21-third-party-funding-framework-permitted-for-more-categories-of-legal-preceedings-in-singapore/ (дата обращения: 15.03.2026); Singapore International Arbitration Centre. Arbitration Rules of the Singapore International Arbitration Centre. 7th ed. In force from 1 January 2025. Rule 38.

[12] Arbitration and Mediation Legislation (Third Party Funding) (Amendment) Ordinance 2017 (Hong Kong); Arbitration Ordinance (Cap. 609), Part 10A; Mediation Ordinance (Cap. 620), s. 7A; Code of Practice for Third Party Funding of Arbitration, Gazette Notice No. 9048, 7 December 2018; Department of Justice of Hong Kong. Advisory Body on Third Party Funding of Arbitration and Mediation. URL: https://www.doj.gov.hk/en/about/advisory_body.html (дата обращения: 02.03.2026).

[13] Abbott K. W., Keohane R. O., Moravcsik A., Slaughter A.-M., Snidal D. The Concept of Legalization // International Organization. 2000. Vol. 54, no. 3. P. 401–419. DOI: 10.1162/002081800551271.

[14] Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54, no. 3. P. 421–456. DOI: 10.1162/002081800551280.

[15] Goldmann M. We Need to Cut Off the Head of the King: Past, Present, and Future Approaches to International Soft Law // Leiden Journal of International Law. 2012. Vol. 25, no. 2. P. 335–368. DOI: 10.1017/S0922156512000064..

[16] Лисица В. Н. Lex mercatoria в зарубежной доктрине // Государство и право. 2008. № 4. С. 103–107.

[17] International Centre for Settlement of Investment Disputes. ICSID Arbitration Rules 2022. Rule 14(1)–(4); ICSID. Background Paper on Proposals for Amendment of the ICSID Rules. Working Paper No. 5. Vol. 1. June 2021. §§ 83–88.

[18] Арбитражный регламент 2021 Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража (в ред. от 01.11.2021), приложение № 1, ст. 14, п. 3–4. URL: https://centerarbitr.ru/text/ (дата обращения: 03.03.2026); Правила о беспристрастности и независимости арбитров, приложение к приказу ТПП РФ от 30.09.2021 № 110 (в ред. от 20.11.2024 № 65), и Правила арбитража МКАС при ТПП РФ (в ред. от 23.10.2024). URL: https://mkas.tpprf.ru/ru/materials/ (дата обращения: 03.04.2026); Правила Арбитражного центра при РСПП о независимости и беспристрастности арбитров и Регламент Арбитражного центра при РСПП. URL: https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/ (дата обращения: 03.04.2026); Регламент арбитража споров НЦСА и Кодекс этики арбитров НЦСА. URL: https://sportarbitrage.ru/sportslaw/rules/ (дата обращения: 03.04.2026); Правила Арбитражного учреждения при ОООР «СоюзМаш России». URL: https://arbitr.soyuzmash.ru/doc/ (дата обращения: 04.04.2026).

References:

[1] Nieuwveld L. B., Sahani V. S. Third-Party Funding in International Arbitration. 2nd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2017. XXI, 304 p.

[2] Howie R. A., Moysa G. Financing Disputes: Third-Party Funding in Litigation and Arbitration // Alberta Law Review. 2019. Vol. 57, no. 2. P. 465–502. DOI: 10.29173/alr2582.

[3] European Law Institute. Principles Governing the Third Party Funding of Litigation. October 2024. URL: https://www.europeanlawinstitute.eu (access date: 01.03.2026).

[4] Solas G. M. Third Party Funding: Law, Economics and Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. XVI, 348 p. DOI: 10.1017/9781108628723.

[5] Neuberger D. From Barretry, Maintenance and Champerty to Litigation Funding: Harbour Litigation Funding First Annual Lecture, Gray's Inn. 8 May 2013. §§ 10–19. URL: https://supremecourt.uk/uploads/speech_130508_9d2765bbf5.pdf (access date: 02.03.2026).

[6] Criminal Law Act 1967. Sections 13–14. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58 (access date: 01.03.2026); Great Britain. Law Commission. Proposals for Reform of the Law Relating to Maintenance and Champerty. London: H.M. Stationery Office, 1966; Martell v Consett Iron Co Ltd [1955] Ch 363; Gulf Azov Shipping Co Ltd v Idisi [2004] EWCA Civ 292; Arkin v Borchard Lines Ltd [2005] EWCA Civ 655; Giles v Thompson; Devlin v Baslington [1993] UKHL 2; [1994] 1 AC 142; Papera Traders Co Ltd v Hyundai Merchant Marine Co Ltd (The Eurasian Dream) (No 2) [2002] EWHC 2130 (Comm).

[7] Association of Litigation Funders of England & Wales. Code of Conduct. URL: https://associationoflitigationfunders.com/code-of-conduct/ (дата обращения: 01.03.2026); First code of conduct for third-party litigation funders published // Out-Law. 28 November 2011. URL: https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/first-code-of-conduct-for-third-party-litigation-funders-published (дата обращения: 01.03.2026).

[8] Campbells Cash and Carry Pty Ltd v Fostif Pty Ltd (2006) 229 CLR 386; [2006] HCA 41, [88]–[96].

[9] Sebok A. J. The Inauthentic Claim // Vanderbilt Law Review. 2011. Vol. 64, no. 1. P. 61–139; Abbott Ford, Inc. v. Superior Court, 43 Cal. 3d 858; Design for Business Interiors, Inc. v. Herson's, Inc. , 659 F. Supp. 1103 (D.D.C. 1986).

[10] Civil Law (Amendment) Act 2017 (Singapore), No. 2 of 2017, ss. 5A–5B; Civil Law (Third-Party Funding) Regulations 2017, reg. 3; Law Society of Singapore. Guidance Note 10.1.1: Third-Party Funding. 25 April 2017; Singapore International Arbitration Centre. Practice Note PN-01/17 on Arbitrator Conduct in Cases Involving External Funding. 31 March 2017; Chan Leng Sun SC. Third-Party Funding — Taking Stock // Singapore Law Gazette. January 2019.

[11] Ministry of Law of Singapore. Third-Party Funding to be Permitted for More Categories of Legal Proceedings in Singapore. 21 June 2021. URL: https://www.mlaw.gov.sg/news/press-releases/2021-06-21-third-party-funding-framework-permitted-for-more-categories-of-legal-preceedings-in-singapore/ (дата обращения: 15.03.2026); Singapore International Arbitration

Centre. Arbitration Rules of the Singapore International Arbitration Centre. 7th ed. In force from 1 January 2025. Rule 38.

[12] Arbitration and Mediation Legislation (Third Party Funding) (Amendment) Ordinance 2017 (Hong Kong); Arbitration Ordinance (Cap. 609), Part 10A; Mediation Ordinance (Cap. 620), s. 7A; Code of Practice for Third Party Funding of Arbitration, Gazette Notice No. 9048, 7 December 2018; Department of Justice of Hong Kong. Advisory Body on Third Party Funding of Arbitration and Mediation. URL: https://www.doj.gov.hk/en/about/advisory_body.html (access date: 02.03.2026).

[13] Abbott K. W., Keohane R. O., Moravcsik A., Slaughter A.-M., Snidal D. The Concept of Legalization // International Organization. 2000. Vol. 54, no. 3. P. 401–419. DOI: 10.1162/002081800551271.

[14] Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54, no. 3. P. 421–456. DOI: 10.1162/002081800551280.

[15] Goldmann M. We Need to Cut Off the Head of the King: Past, Present, and Future Approaches to International Soft Law // Leiden Journal of International Law. 2012. Vol. 25, no. 2. P. 335–368. DOI: 10.1017/S0922156512000064..

[16] Fox V.N. Lex mercatoria in foreign doctrine // State and law. 2008. № 4. S. 103-107.

[17] International Centre for Settlement of Investment Disputes. ICSID Arbitration Rules 2022. Rule 14(1)–(4); ICSID. Background Paper on Proposals for Amendment of the ICSID Rules. Working Paper No. 5. Vol. 1. June 2021. §§ 83–88.

[18] Arbitration Rules 2021 of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration (as amended on 01.11.2021), Appendix No. 1, Art. 14, Clauses 3-4. URL: https://centerarbitr.ru/text/ (access date: 03.03.2026); Rules on the impartiality and independence of arbitrators, appendix to the order of the RF CCI dated 30.09.2021 No. 110 (as amended by 20.11.2024 No. 65), and the Rules of Arbitration of the ICAC at the RF CCI (as amended by 23.10.2024). URL: https://mkas.tpprf.ru/ru/materials/ (access date: 03.04.2026); Rules of the Arbitration Center under the RUIE on the independence and impartiality of arbitrators and Rules of the Arbitration Center under the RUIE. URL: https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/ (access date: 03.04.2026); NCSA Dispute Arbitration Rules and NCSA Code of Ethics for Arbitrators. URL: https://sportarbitrage.ru/sportslaw/rules/ (access date: 03.04.2026); Rules of the Arbitration Institution at the SoyuzMash of Russia OOOR. URL: https://arbitr.soyuzmash.ru/doc/ (access date: 04.04.2026).

